

*М. В. Кривошлыкова**

Стереотипы восприятия башкирской культуры в русской литературе XIX – начала XX веков

Южный Урал, как и весь Урал в целом, традиционно считается рубежом, разделяющим Европу и Азию. Он принадлежит к числу регионов, где происходило активное смешение культур и народов. К наиболее многочисленным этносам, проживающим на данной территории, относятся русские и башкиры. Отношения двух этнокультур в регионе детерминировано общностью территории взаимодействия и исторической длительностью контактов.

Башкирская и русская культуры, несмотря на многовековую историю, не утратили своей этнической самобытности и не растворились друг в друге, в силу следующих особенностей: многочисленность по сравнению с другими не аллохтонными этносами и культурами; коренные и непримиримые отличия, сформированные этносоциокультурной спецификой (язык, религия, быт и т. д.).

Процессы культурного самоопределения напрямую связаны с процессами сравнения, объективизирующими различия. Представления этнических культур о мире и друг о друге, являясь феноменами массового сознания, демонстрируют различное, а нередко и противоположное восприятие одних и тех же событий реальности. В этих условиях массовое сознание использует стереотипы. Здесь мы будем определять стереотип как устойчивое представление о предметах, объектах, явлениях, бытующее на уровне обыденного сознания людей как членов конкретной этнокультурной общности.

Этнокультурный стереотип, характеризующий весь этнос в целом, предполагает наличие определенных черт у всех его представителей. Данное суждение – явно или скрыто – неминуемо содержит в себе определенную оценку, преломляемую через призму собственных ценностных ориентаций. В силу этой особенности стереотипы зачастую наполнены враждебностью и предрассудками, поскольку лежат в сфере эмоциональных переживаний и базируются на «этническом отталкивании» [9; 228]. Так, по мнению

* *Марина Владимировна Кривошлыкова* – ст. преподаватель кафедры культурологии и русского языка Магнитогорского государственного технического университета (г. Магнитогорск).

Л. Н. Гумилёва, «основа этнических отношений лежит за пределами сферы сознания – она в эмоциях: симпатиях-антипатиях, любви-ненависти» [4; 312].

В силу своих динамических характеристик – устойчивости, ригидности, консерватизма – стереотип выступает как один из способов трансляции культурно-исторического опыта. Стереотип способствует фиксации социально значимых элементов культуры народа, обеспечивая стабильность социальных практик, защищает групповые интересы и оправдывает межэтнические отношения.

В данной статье предпринята попытка анализа основных стереотипов о башкирской культуре, сложившихся в сознании русских обывателей и отраженных в произведениях литературы XIX – начала XX веков. Посредством художественно-публицистического дискурса в русской литературе сформировалась система представлений о культуре башкир, которая не подвергалась коренным изменениям вплоть до 1917 года. Стереотип башкирской культуры, сложившийся в процессе межкультурного взаимодействия, нашел отражение в произведениях русской художественной литературы, путевых заметках, этнографических материалах, письмах.

Формирование образа башкирской культуры происходило с позиций русского этноцентризма, т. е. при сравнении собственной и иной этнической группы, вследствие чего прослеживается тенденция к внутригрупповому фаворитизму. Традиции и ценности русской культуры выступают как эталон, тогда как элементы башкирской культуры оцениваются как отклонение от нормы.

Общая отсталость башкирского народа, по мнению русских, характеризовала башкир как необразованных, некультурных, а нередко и диких людей. В основе схематичного, упрощенного образа башкир чаще лежали негативные оценки их образа жизни, традиций, вероисповедания, при этом последнее чрезвычайно важно и значимо для русского сознания. Принадлежность башкир исламу в произведениях русских авторов выступала важным механизмом членения на «мы» и «они» и нередко оценивалась негативно: «В этой религиозной ревности, в этой безграничной преданности своей вере и кроется вся мощь мусульманства: темный, неученый, недалекий башкир не забыл все-таки, что вот появилась на горизонте луна, и теперь, значит, около 9 часов, – время последнего моления за истекший день, – и что надобно воздать должное аллаху. Признаюсь, подобную религиозность редко встретишь в нашем народе, благодаря его плохому религиозному воспитанию» [7; 265].

Наиболее образно стереотип о религиозной принадлежности башкир поддерживали картины положения башкирских женщин. Следование исламским обычаям проявлялось в свадебно-обра-

довых практиках башкир: невозможности самостоятельно выбрать супруга, брак по сговору родителей молодых, выплата калыма, многоженство, ранний брачный возраст, разнообразные запреты и ограничения. В. И. Даль пишет о многоженстве башкир так: «Многоженство мусульман всегда бывает поводом к раздорам семейным, которые может переносить равнодушно только закоснелая в исламии душа» [5; 170], – тем самым подчеркивая неприемлемость многоженства в православных семьях.

Таким образом, стереотипный образ, созданный произведениями русских писателей, представлял башкир как приверженцев традиционного уклада жизни, обусловленного, прежде всего, религиозными нормами и догматами. Наиболее ярко этот образ раскрывается на примерах иллюстраций семейно-бытового уклада башкир. Однако следует отметить, что наряду с исламскими традициями одной из базовых характеристик башкирского мировоззрения был пантеизм. Органическое сочетание ислама и доисламских верований являлось специфической чертой башкирской культуры.

Синкретический характер картины мира башкир проявлялся в господстве анимистических, тотемистических представлений, которые нашли отражение не только в древних космогонических эпических произведениях башкир, но и в самом образе их жизни. Неразрывная связь башкир с природой способствовала созданию в русской литературе и публицистике образа башкир – «детей природы»: «Башкирец, дикий питомец степей, гор и лесов...» [1; 215], «Местность по-прежнему остается в первобытных диких условиях; башкиры – такие же непосредственные, разве только более приземленные дети этой горной страны» [7; 261]. По наблюдениям русских писателей, поэтизация и эстетизация природы – неотъемлемый элемент традиционной культуры башкир.

Тесное взаимодействие с окружающей средой обитания и изначально кочевой образ жизни башкир оказали влияние на формирование особых навыков в обращении с животными. Писатели отмечали почти врожденные способности башкир к верховой езде: «Башкиры – конники врожденные. При встрече сперва лошадь оглядят, потом на человека посмотрят» [2; 418]; «Пяти лет Ибрагим уже крепко цеплялся за косматую гриву мерина и учился ездить верхом. Наравне с другими подростками, он лихо мчался по улицам или по дороге за поскотину, где кротко и безмолвно лежали тихие поля» [10; 368].

Важной социокультурной составляющей образа башкир является стереотип о музыкальности башкирской культуры. Авторы многочисленных произведений о Башкирии и башкирах подчеркивали своеобразие музыкальной культуры башкир, лирические ин-

тонации народных мелодий, национальные музыкальные инструменты, горловое пение и стихотворный жанр народно-поэтического творчества – кубаир. В темах музыкального искусства башкир нашли отражение трагическое положение народа и тесная связь с природой, именно поэтому в русском восприятии эта музыка представлялась наполненной печалью, тоской по прошлому, щемящей и жалостной: «Песни Хайридина были дики и бесконечно печальны, и в них, должно быть, совсем не было никакого содержания, кроме тоски...» [3; 351].

Нередко писатели обращали внимание на своеобразие музыкальных напевов башкир. Так, национальное пение и музыка рождали ассоциацию с дикими, животными звучаниями: «пой, твой волчий вой не будет розниться со строем души моей. Башкир ... залился плачевным, высоким голосом, словно издали по ветру донесся звучный стон, под конец замиравший» [6; 190].

Чуждость, «нерусскость» башкирских мелодий в восприятии русских слушателей строилась на контрасте между образом жизни двух культур: «Грустные, заунывные звуки сменялись веселыми, но то была не русская грусть и не русская удаль. Тут отражалось дикое величие кочующего племени, и попрыски табунов, и богатырские набеги и переходы народов из края в край, и тоска по неизвестной, первобытной родине» [8; 200].

В представлениях русских закрепился стереотип о башкирах как о народе, имеющем богатые музыкальные традиции. Своеобразие башкирского музыкального искусства выражалось, во-первых, в экзотичности для русского слуха национальной мелодики башкир, а во-вторых, в эмоциональном воздействии минорных мотивов, обусловленных отражением в них трагичной участи башкирского народа, а также связью с природой.

Таким образом, важной составляющей стереотипного образа башкир, воплощенного в произведениях русской литературы XIX – начала XX веков, является традиционализм башкирской культуры, проявляющийся прежде всего в духовной культуре (верованиях, традициях, обычаях, особенностях семейно-бытового уклада). Русскими авторами используются приемы описания, сравнения и аналогии, делающие акцент на контрастности образа жизни и мировосприятия русских и башкир, призванные эмоционально воздействовать на читателя.

Литература

1. Авдеев М. В. Горы // Башкирия в русской литературе. – Уфа, 1989. – Т. 1.
2. Бажов П. П. Старых гор подаренье. Сказ // Башкирия в русской литературе. – Уфа. – Т. 4.
3. Белорецкий Г. П. Поздней осенью // Башкирия в русской литературе. – Уфа, 1989. – Т. 1.
4. Гумилёв Л. Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. – М., 1992.
5. Даль В. И. Бикей и Мауляна // Башкирия в русской литературе. – Уфа, 1989. – Т. 1.
6. Даль В. И. Обмирание // Башкирия в русской литературе. – Уфа, 1989. – Т. 1.
7. Рыбаков С. Г. По Уралу, среди башкир. Путевые очерки // Башкирия в русской литературе. – Уфа, 1993. – Т. 3.
8. Толстой А. К. Князь Серебряный // Башкирия в русской литературе. – Уфа. – Т. 1.
9. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М., 1983.
10. Туркин А. Г. Ибрагим // Башкирия в русской литературе. – Уфа, 1993. – Т. 3.